

Н.С. Розов

Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Заведующий кафедрой социальной философии и политологии. Новосибирский государственный университет. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. Новосибирский государственный технический университет. Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, проспект Маркса, д. 20; e-mail: nrozov@gmail.com

Понятие *антропростасия* (защита человека) строится через идею общезначимых ценностей как требований не нарушать объективные условия для возможности индивидам и группам жить полноценной жизнью, в том числе осуществлять неотъемлемые права, следовать своим интересам и ценностям. Понятие полноценной жизни включает здоровье, свободу, достоинство и осмысленность. Нормы, основанные на общезначимых ценностях, ригористичны, но не абсолютны: их нарушения в отношении одних людей могут быть оправданы при необходимости защиты таких же ценностей для других людей. Детально рассмотрен вопрос об условиях допустимости насилия, в том числе убийства на войне. Принцип защиты человека относится не к «высшим», а лишь к минимальным, первичным ценностям, касающимся правил и порядков социального взаимодействия. Показана неправомерность абсолютизации и попыток навязывания любых «высших ценностей», даже таких благонамеренных, как «человеческая жизнь», «всеобщая любовь», «всеобщее братство» и т. п.

Ключевые слова: антропростасия, защита человека, гуманизм, общезначимые ценности, высшие ценности, моральные нормы, неотъемлемые права, свобода, достоинство, полноценная жизнь

Смысловые инварианты в разных пониманиях гуманизма

Гуманизм – весьма многозначный термин, кроме того, его идейное содержание менялось в истории и продолжает меняться¹. Анализ нескольких словарных определений, касающихся современного понимания гуманизма², показал, что инвариантные смыслы включают утверждение примерно одного и того же круга ценностей: свобода, права человека, достоинство, разум, благосостояние. Также иногда звучит антитеза религии и теизму. Светский, или секулярный, гуманизм как идеология самых крупных мировых, европейских гуманистических организаций вовсе отвергает Бога и любую религию³. Сквозным инвариантом многих определений и почти всех гуманистических манифестов являются утверждения типа «человек – это высшая (абсолютная) ценность». Этот тезис будет подвергнут критике в данной работе. На центральное место в гуманизме поставим гораздо более скромный принцип: защита человека (антропростасия от греч. *προστασία των ανθρώπων*).

Гуманизм здесь трактуется не как одна из идеологий, конкурирующая с другими идеологиями, но как потенциально расширяющаяся платформа, общая для самых разных мировоззрений, в том числе религий и идеологий, признающих себя гуманными. Именно принцип защищенности человека отличает их от антигуманных учений, готовых жертвовать человеческими жизнями, правами, свободами, причем, как правило, ради каких-то «высших ценностей».

Принцип защиты человека

Антропростасия – это императив соблюдения, ненарушения *общезначимых ценностей*, включающих, неотъемлемые права индивидов и групп, в том числе их свободу выбирать свои *этносные* ценности (разные у разных субъектов)⁴.

¹ О классическом и современном гуманизме см.: *Кудрявцев О.Ф.* Ренессанский гуманизм и «Утопия». М., 1991; *Черный Ю.Ю.* Современный гуманизм // *Философия в XX веке. Сборник обзоров в двух частях.* Ч. 2. М., 2003. URL: <http://humanizm.ru/humanizmsovr> (дата просмотра 22.07.2018); *Куртц П.* Гуманизм и скептицизм – парадигмы культуры третьего тысячелетия // *Возможность невозможного: планетарный гуманизм для России и мира.* М., 2001. С. 33–34.; *Кудишина А.А.* Гуманизм – феномен современной культуры. М., 2005; *Поночевная И. Д.* У истоков светского гуманизма // *Вестник СПбГУ*, 2014. Сер. 6. Вып. 4. С. 109–113, а также материалы Российского гуманистического общества. URL: <http://www.humanism.ru> (дата просмотра: 21.07.2018).

² Рассмотрены определения гуманизма в следующих справочниках: русскоязычная и англоязычная Википедия, а также: *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998; *World Encyclopedia.* Oxford, 2014. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018); *Dictionary of Sociology*, 4th ed. / Ed. by J. Scott. Oxford, 2015. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018); *Oxford Dictionary of Philosophy.* Oxford, 2016.

³ См. манифест Российского гуманистического движения: <http://humanizm.ru/manifest-intro>, а также собрание манифестов на сайте Российского гуманистического общества (РГО). URL: <http://www.humanism.ru/documents.html> (дата просмотра: 23.07.2018).

⁴ В различении Дж. Кекеса *общезначимым ценностям* соответствуют «первичные» (полезные для жизни вне зависимости от того, как она понимается), а *этносным* – «вторичные» (польза

Таким образом, данный принцип совмещается с *ценностным плюрализмом*: индивиды и группы вправе следовать выбранным ими ценностям, в том числе любым «высшим», лишь бы своими действиями они не наносили ущерба правам человека и условиям полноценной жизни людей.

Общезначимые ценности лежат в основе соответствующих правил (норм), в том числе запрещающих, ограничивающих и предписывающих действия по защите указанных прав и соблюдении, по улучшению указанных условий.

Человеку, его жизни, свободе и их условиям угрожают стихийные и антропогенные бедствия, болезни, а также действия других людей. Необходимость защиты людей от катастроф и болезней очевидна и не составляет этической проблемы. Поэтому далее речь пойдет о защите человека (потенциальной жертвы) от человека (агрессора), причем сам принцип – императив защиты – обращен также к человеку (сообществу), принимающему ценности человеческих жизни, свободы, прав и достоинства. Таким образом, принцип антропростасии имеет социальный характер и наряду с моральным аспектом необходимо включает правовые и политические аспекты.

Концепция общезначимых, в том числе кардинальных и субкардинальных ценностей, развернута в книге «Ценности в проблемном мире»⁵.

Права человека как важнейшая политическая и юридическая категория входят в состав общезначимых ценностей, но не исчерпывают их содержания, поскольку помимо политико-правовых условий свобод есть иные условия для возможности полноценной жизни, которые также следует защищать согласно императиву антропростасии.

Содержание общезначимых ценностей

Общезначимые ценности представляют собой принцип взаимодействия людей, требующий их понимания и согласия. Общезначимое динамично в том смысле, что принявшее его сообщество вовлекает в себя новых людей и сообществ, указывая на функциональные основания: Хотите ссориться и воевать? Тогда верьте в свою исключительность. Хотите мира, сотрудничества и стабильной жизни, присоединяйтесь к нашему сообществу, принявшему определенные общезначимые принципы и ценности⁶.

Кардинальные ценности – это нормативные понятия (со встроенными императивами защиты), соответствующие базовым необходимым условиям для автономии любого индивида, т.е. для выбора им своих ориентиров и следования им: жизнь, здоровье, свобода совести, мысли, слова, достоинство (недопустимость унижения, подавления личности), доступ к образованию и культуре (для способности осмысленного выбора), способность к самообеспечению, другие неотъемлемые права (выбор места жительства в своей стране, выбор

которых зависит от принимаемых представлений о «хорошей жизни») (Kekes J. The Morality of Pluralism. Princeton, 1993. P. 38–39).

⁵ См.: Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии Новосибирск, 1998. Раздел 2.1.

⁶ См.: там же. С. 119.

профессии, выбор партнера, супруга, воспитание детей по своему усмотрению и проч.).

Субкардинальные ценности – это нормативные понятия, соответствующие условиям, необходимым для осуществления кардинальных ценностей. К ним относятся известные *правовые и политические принципы*: свобода и независимость печати, выборные или иные формы участия граждан в политической жизни, независимость суда, экологические ценности. Нарушение политико-правовых ценностей чревато опасностью для основных гражданских прав, а экологических – для витальных ценностей⁷.

Субкардинальной ценностью является также правовая защита собственности – необходимое условие не только множества свобод, возможностей осуществлять свои интересы и ценности, но и человеческого достоинства⁸.

Не все общезначимые ценности сводятся к условиям. Почему, например, недопустимо намеренно доставлять физические и душевные страдания, даже если это было бы возможно без ущерба для здоровья и без унижения?

Провозглашение «высшей ценностью» милосердия, эмпатии, общечеловеческой солидарности не решает проблемы. Чувствам не прикажешь, а группы обычно имеют собственные версии «высших ценностей», от которых не собираются отказываться. Поэтому следует признать отдельную общезначимую ценность – *нормальное физическое и душевное самочувствие каждого индивида*, защищенное от чьего-либо намеренного посягательства, а также *избавление от страданий*.

Наряду с негативной стороной (не наносить ущерба) принцип антропростасии факультативно допускает позитивную сторону: способствовать установлению условий для того, чтобы ближние или сколь угодно дальние люди жили *полноценной жизнью*, т.е. свободной, достойной и осмысленной.

Компоненты полноценной жизни

Свобода предполагает не только соблюдение основных прав человека и гражданина, но также реальные возможности самим людям менять социальные условия своей жизни, а значит, прямо или опосредованно (через представителей) участвовать в установлении правил, прежде всего, правовых норм.

Кроме этого, свобода имеет внутреннее измерение, включающее способность формировать свои представления о происходящем на основе накопленных знаний, а также сопоставления разных взглядов и идей. Таким образом, образование, доступ к культурным достижениям и возможности знакомства с различными позициями по любому вопросу необходимым образом входят в содержание свободы как компонента полноценной жизни.

⁷ См.: *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии Новосибирск, 1998. Разд. 2.1. С. 123.

⁸ Перечень основных прав человека см.: *Куртц П.* Новый скептицизм: Исследование и надежное знание / Пер. с англ. И.В. Кувакина. М., 2005. С. 321.

Человеческое достоинство включает три основных аспекта.

- *Материальное благополучие* не имеет общего мерила (каков именно должен быть доход человека для полноценной жизни), зато предполагает критерий: чтобы уровень материального благополучия считался приемлемым, нестыдным, собственно, достойным в сложившейся конкретной исторической ситуации как самим человеком, так и его окружением. За свое материальное благополучие ответствен сам человек. Императив антропростасии требует обеспечения благополучия от общества только для детей и молодых людей, которые учатся и готовятся работать, а также для нетрудоспособных по болезни, инвалидности, старости⁹.
- *Общественное признание* (статус, престиж, репутация) является социальной стороной достоинства. Антропростасия здесь, с одной стороны, устанавливает жесткий запрет на публичное унижение достоинства даже относительно явных преступников, с другой стороны, требует справедливого воздаяния – признания заслуг соразмерно их культурной значимости и общественной пользе.
- *Самоуважение* как чувство причастности к неким ценностям, идеалам, добродетелям тесно связано с таким компонентом полноценной жизни, как ее осмысленность.

Осмысленность жизни – категория, призванная обобщить самые разнообразные ценностные устремления, выходящие за пределы повседневных забот. Люди живут не только для достижения материального благополучия, счастья и признания, но также для самых разных символов, святынь, абстракций, какими бы фантастическими они ни казались. Антропростасия максимально терпима к этому разнообразию идеалов, святынь и ценностей, высших жизненных целей (ценностный плюрализм), лишь бы при стремлении к ним не нарушались общезначимые ценности.

Подход к обоснованию

Исходная нормативная идея о том, чтобы каждый индивид имел возможности вести полноценную жизнь и соответствующие неотъемлемые права, вообще говоря, ниоткуда не следует. Этот принцип либо принимается, либо нет. Его не нужно выводить ни из «священных книг», ни из «вековой мудрости», ни из речей «моральных авторитетов», ни из философских трактатов. При таком выводе сомнение в предпосылке поставило бы под вопрос сам принцип, что представляется неприемлемым.

Речь следует вести не о логическом обосновании, а о том, посредством каких последовательных шагов следует убеждать людей принять данный принцип.

⁹ Тот же принцип в западной этике и порядках социального обеспечения формулируется как «уважение к людям» (respect for persons). См., напр.: *Larmore Ch. The Autonomy of Morality*. New York. 2008.

Убеждать может только тот, кто сам считает себя вправе жить, быть свободным, иметь достоинство, исповедовать свои убеждения, верования, ценности, а значит, *принимает принцип защиты соответствующих прав и условий*. Распространение императива такой защиты на остальных людей неочевидно¹⁰.

Экстраполяцию на других можно проделать с помощью идей симметрии, равенства – «золотого правила» или *принципа генерализации* (признавая свое право, признавай его и за другими, вменяя другим обязанность, принимай ее и для себя)¹¹. Но сами эти идеи также должны быть добровольно приняты. Неотъемлемые права и свободы человека, равно как и принципы симметрии, беспредпосылочны¹². Такие идеи могут и должны служить для аргументации, воспитания, урезонивания нарушителей, «втягивания» в круг признающих общезначимые ценности, но сами ниоткуда не выводятся.

С учетом данных оговорок было проведено априористское обоснование общезначимых ценностей через признание неустранимого разнообразия убеждений групп и индивидов (частных интересов, ценностного плюрализма как спектров этических ценностей), через принципы генерализации и всеобщности прав. Логика обоснования состоит в том, чтобы читатель по отдельности соглашался с каждой предпосылкой, которые вместе приводят к утверждению обязательности общезначимых ценностей¹³.

Вторая формула *категорического императива* Канта, требующая относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого не только как к средству, но также и как к цели, вполне может быть понята как идейная предтеча принципа антропростасии.

Понятие «ценность» попало в центр этической теории благодаря неокантианцу В. Виндельбанду, тогда как сам Кант трактовал «ценность» как субъективную и относительную категорию. Аналогом современного понимания «ценности» для Канта были сам нравственный закон и *царство целей*, которые он считал объективными и априорными:

«Под царством же я понимаю систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы. А так как законы определяют цели согласно своей общезначимости, то, если отвлечься от индивидуальных различий между разумными существами, равно как и от всего содержания их частных целей, можно мыслить целое всех целей (и разумных существ как целей самих по себе, и собственных целей, которые каждое из них ставит самому себе) в систематической связи, т. е. царство целей, которое возможно согласно вышеуказанным принципам.

В самом деле, все разумные существа подчинены закону, по которому каждое из них должно обращаться с самим собой и со всеми другими не только как

¹⁰ Ч. Лармор в своей «моральной онтологии» утверждает первичность и непреложность «уважения к людям» как признания прав каждого человека на автономию и выбор (*Larimore Ch. Op. cit.*). Сама идея вполне правомерна, родственна концепции «негативной свободы» как права на выбор у И. Берлина (*Берлин И. Философия свободы*. Европа. М., 2001) и обсуждаемому здесь принципу защиты человека – антропростасии. Равным образом эта идея не может быть доказана, а лишь предложена в качестве постулата.

¹¹ См.: *Kutschera von F. Fondamenti dell'Etica*. Milano, 1991; *Розов Н.С.* Указ. изд. С. 131–132.

¹² См.: *Апресян Р.Г.* Этика. М., 2017. С. 124–125.

¹³ *Розов Н.С.* Указ. изд. С. 130–135.

со средством, но также как с целью самой по себе. Но отсюда и возникает систематическая связь разумных существ через общие им объективные законы, т. е. царство, которое, благодаря тому, что эти законы имеют в виду как раз отношение этих существ друг к другу как целей и средств, может быть названо царством целей, которое, конечно, есть лишь идеал»¹⁴.

На современном философском языке категорический императив следует выразить таким образом: каждый человек представляет собой самостоятельную ценность¹⁵, требующую защиты; поэтому людей нельзя рассматривать только как средство (т.е. инструментализовать)¹⁶. Данная формулировка почти буквально воспроизводит смысл принципа антропростасии.

Антропростасия в ряду этических теорий¹⁷

Прежде всего принцип антропростасии представляет собой вариант *аксиологической* концепции, поскольку базируется на ценностях.

Антропростасия является *нормативной* концепцией (не описательной), *некогнитивистской* (свойства истинности и ложности не применимы к ценностям), *ненатуралистической* и *нередукционистской* (не из каких естественных законов ценности не выводимы), *объективистской* (принципы антропростасии не зависят от субъективных предпочтений), *неинтенциональной* (поступки оцениваются не по намерениям, а по последствиям).

Сложнее определить положение антропростасии относительно *плюралистических* (ориентация на разные и множественные ценности) и *монистических* (ориентация на единственную ценность) концепций этики. Широкая толерантность к разнообразию этосных (принадлежащих группам, культурам), в том числе «высших ценностей», означает плюрализм. Вместе с тем сама идея «защиты человека» с обязательностью заботы об условиях безопасности, обеспечения свободы и достоинства, условий для достижения осмысленной жизни вполне может быть понята как некий единый комплексный императив, собственно, и названный *антропростасией*. В этом плане представленная концепция может считаться условно монистической. Здесь остается важный момент относительно «высшего» статуса, к обсуждению которого мы еще вернемся.

Антропростасия одновременно относится к *десизионизму* (в основе моральных суждений – решения) и *конвенциализму* (в основе моральных суждений – договоренности). Нельзя насильно навязывать ценности, даже такие, как

¹⁴ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 (1). М., 1965. С. 269.

¹⁵ Сходным образом трактует мысль «человек – цель сама по себе» Исайя Берлин: поскольку «...как полагал Кант, все ценности становятся ценностями в результате свободных человеческих действий и называются так только в этой связи, то нет большей ценности, чем сам человек» (Берлин И. Указ. изд. С. 143).

¹⁶ В том числе ради каких-либо «высших ценностей», добавлю от себя.

¹⁷ Круг и содержание основных этических теорий здесь приводятся согласно классическому труду германского исследователя Ф. фон Кучеры (*Kutschera von F. Fondamenti dell'Etica*. Milano, 1991), обсуждение этих теорий на основе ценностного подхода см.: Розов Н.С. Указ. изд. Разд. 3.1.

уважение к чужой жизни, свободе, достоинству других людей. Можно лишь предлагать принять решение о таком уважении, приглашать войти в широкий круг тех, кто эти ценности принимает¹⁸. Здесь уже есть значимый момент конвенции. Тем более, вопросы о том, как определять уровни материального благосостояния, общественного признания, качества духовных стратегий, требующие защиты, всегда будут предметами дискуссий и договоренностей.

Антропростасия, разумеется, не является *религиозной этикой*, хотя утверждает право каждого верить в любых богов или не верить ни в каких. Антропростасия в своей основе гуманистична, более того, претендует на роль *ценностного ядра современного гуманизма*.

В измерении с полюсами *легализма* (принятии абсолютных моральных законов) и *антиномизма* (полного отрицания каких-либо предзаданных моральных норм) антропростасия ближе к *ситуационной этике*. Последняя здесь понимается в широком смысле как сочетание неких базовых принципов и применение их с учетом конкретных обстоятельств. Метафорически принцип антропростасии следует уподобить компасу с выбором главного направления движения. В зависимости от препятствий на пути иногда приходится отклоняться, но общий принятый курс остается тем же.

Нормы и исключения

Общезначимые ценности предполагают как запрещающие, так и предписывающие нормы: тонущего нужно спасать, больного – лечить, поработочного – освободить, неграмотного, необразованного – обучать грамоте и просвещать, неумелого – обучать профессии и т.д.

Общезначимые ценности, соответствующие им нормы *ригористичны* (учитывать их должны все и всегда), но *не абсолютны*: бывают условия, при которых приходится эти нормы нарушать. Такие условия в отношении каких-то индивидов или групп, возникают только при необходимости защиты других индивидов и групп.

Убийц, насильников, бандитов, воров, мошенников, поработителей и участвующих в работорговле правомерно арестовывают, судят, виновных лишают свободы. Здесь принцип антропростасии неявным образом включен в правовые кодексы: ведь именно во имя *защиты людей* обезвреживают и наказывают тех, кто покушается на человеческую жизнь, достоинство, собственность, свободу. Иными словами, преступники *сами выводят себя из круга тех*, кого защищает принцип антропростасии.

Более сложен вопрос с допустимостью смертной казни. Общеευропейский запрет на смертную казнь (принятый и в Российской Федерации) вполне соответствует принципу антропростасии: нельзя лишать даже рецидивиста, совершившего тяжкие преступления, возможности раскаяться и хоть в какой-то

¹⁸ Ср.: «...Моральный закон – это закон воображаемой республики моральных агентов. Эта республика воображаема, но они реальные агенты, и это реальный закон, так как он рационально налагается на себя каждым из них» (Уильямс Б. Мораль: специфический институт // Логос, 2008, 1 (68). С. 167).

мере пытаться свою вину искупить. Но и этот запрет не является абсолютным, поскольку в условиях военного времени государство может лишиться возможности обеспечивать сколь-нибудь надежную охрану мест заключения, тем более когда речь идет о военных преступлениях вблизи линии фронта.

Допустимость убийств в военное время

Во время войны люди целенаправленно убивают людей, причем в массовых количествах. Кант осуждал наемничество, но оправдывал добровольное обучение военному делу и защиту отечества от внешней агрессии¹⁹. Допустимость убийств на войне обсуждал В.С. Соловьев. Признавая злом войну (следствие «разделенности человечества») и убийство, он, однако, утверждал правомерность военной службы по призыву (с вероятной возможностью убивать в военное время), исходя из наличия обязанностей гражданина перед государством²⁰.

Если неприемлемость агрессии с целью завоеваний вошла в международное право с 1920-х гг. и уже не вызывает споров, то дискуссии о «справедливой войне» до сих пор продолжаются²¹. Принципы государственного суверенитета и права на оборону практически общепризнаны, однако оправданность военного вмешательства под видом «гуманитарных акций», «принуждения к миру», в том числе для остановки гражданских войн, хаоса, массовых убийств, остается крайне проблематичной. Неизбежная политизированность каждого такого случая и соответствующих обсуждений чрезвычайно затрудняет возможность какого-либо согласия относительно правовых и моральных норм в этой сфере. Поскольку философские аспекты войны подробно обсуждались²², здесь зафиксирую только принципиальные тезисы относительно условий оправданности военных убийств.

*Действия против человека и общезначимых ценностей могут быть оправданы только с позиций антропростасии*²³. Те или иные условия жизни индивидам в современном мире обеспечивают государства. Как правило, индивиды являются гражданами какого-либо государства, что уже означает наличие определенных правовых отношений с ним. Каждое государство как субъект международного права вправе защищать военно-политический

¹⁹ «К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, – значит использовать их как простые машины или орудия в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас. Иное дело – добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне» (*Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 8).

²⁰ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2012. С. 539–566.

²¹ См.: *Robinson P.F.* Just war in comparative perspective. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2003.

²² См.: *Розов Н.С.* Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Альманах «Время мира». Выпуск 3. Война и геополитика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 75–120.

²³ Сходная мысль Милля об условиях оправданности насилия звучит следующим образом в трактовке Берлина: «Поскольку справедливость требует, чтобы каждый располагал минимумом свободы, все должны удерживаться, если надо – насильственно, от посягательств на чужую свободу» (*Берлин И.* Цит. изд. С. 131).

контроль своей территории, а для этого обеспечивает на добровольной профессиональной и/или на принудительной призывной основе наполнение своей военной силы, вменяя гражданам соответствующие права и обязанности.

Далее уже возможны расхождения между позитивным (фиксированным в законах) правом и этическими принципами. Согласно принципу антропростасии защита родной земли и государства от внешней агрессии оправдана, когда это государство в какой-то мере обеспечивает гражданам условия полноценной жизни²⁴. В таких случаях военные и помогающие им штатские лица, защищая свое государство, тем самым защищают жизнь, здоровье, свободу, достоинство, собственность сограждан от агрессивной внешней державы.

Обязательно ли при этом убивать врагов? Вообще говоря, предпочтительно использовать нелетальное оружие, максимально применять дипломатию, внешнее давление мирового сообщества, разнообразные угрозы и санкции. Но если вражеская военная сила продолжает наступление, разрушения и убийства, то единственным способом защиты остается оборона, увы, также предполагающая ответные убийства. В этих условиях приходится нарушать *принцип ненасилия* (родственный антропростасии), что, впрочем, никак не отменяет признание любых военных убийств злом.

Общепризнано, что в военный период особой защите должно подлежать гражданское население. Это означает необходимость убедительных и обоснованных доводов для тех военных действий, при которых ожидаются жертвы среди невоюющих граждан.

Различие «общезначимых» и «высших» ценностей

Общезначимость указывает, прежде всего, на ограничения и запреты. В нашей обычной повседневной жизни не принято ставить подножки, пачкать краской чужие костюмы и плевать соседям в кофе. Сделавший такое будет подвергнут той или иной степени осуждения, вплоть до ostracism. Однако никому не приходит в голову объявлять «высшими ценностями» походку, чистоту костюма или чашку кофе. Указанные и подобные ограничения стали для подавляющего числа цивилизованных людей *само собой разумеющимися*. В идеале такой же статус должны обрести статьи уголовного кодекса, а также ценности и нормы антропростасии.

«Высшие ценности» не только ограничивают, но также многое предписывают, нередко требуют отказа от других ценностей и норм, накладывают большие обязательства, фактически «переформатируют» всю жизнь своих адептов. Это могут быть без сна и отдыха работающие ученые, инженеры, художники, писатели, режиссеры, но могут быть и проводящие жизнь в молитвах, постах монахи, сектанты, отшельники.

²⁴ Если само государство повинно в репрессиях, порабощении, геноциде, то оно уже недостойно защиты в этическом и общеправовом аспектах.

Критика вариантов «высших ценностей»

Привычно под гуманизмом понимать признание человека «высшей ценностью». Однако религиозным людям, которых в мире подавляющее большинство, никогда не докажешь, что кроме их Бога, наравне с Ним, а тем более вместо Него, есть еще какие-то «высшие ценности», тем более для верующих не допустимо признание таковой ценностью человека – «твари Божьей».

Человеческая жизнь, очевидно, является общезначимой ценностью, но признание ее «высшей» означало бы оправдание акций и принятие законов, которые вполне справедливо считаются неприемлемыми, даже практически не обсуждаются. Действительно, нельзя запрещать экстремальный спорт, морские путешествия на яхтах и купания в любых водоемах, автомобильное движение со скоростью более 30 км/час; нельзя сжигать табачные плантации, отправлять всех наркоманов в концлагеря, сажать в тюрьмы за курение и потребление алкоголя; нельзя под страхом наказания заставлять всех делать зарядку и отказываться от жирной пищи. Каждая из этих мер надежно привела бы к спасению многих человеческих жизней, однако такие запреты не принимаются, поскольку противоречат принципу прав и свобод, а также другим ценностям, даже далеким от морали²⁵.

На статус «высших ценностей» претендуют христианские заповеди «возлюби ближнего», «любите врагов ваших», а также лозунг «свобода, равенство, братство и т. п. Любовь к ближним – чувство естественное. Оно может быть большим или меньшим, может и пропадать, даже переходя в ненависть и презрение. В качестве общей моральной рекомендации оправданность этой максимы сомнений не вызывает, но признание «любви к ближнему» в качестве «высшей ценности» означает уже «принуждение к любви», которое не только ограничивает свободу, но способно подавить само чувство.

Призыв Ницше «возлюби дальнего своего» – это не просто антитеза христианской заповеди и указание на новую ценность «Сверхчеловека». По сути дела, данный призыв утверждает принцип «всеобщего братства» и «всеобщей любви», пусть и в чаемом философском (точнее, мифическом) будущем, о котором вещает Заратустра.

С принципом равенства ситуация более сложная. Императив *экономического равенства* следует отвергнуть, поскольку он с необходимостью предполагает принуждение и насилие при любых попытках «уравнять». При этом важный социальный ориентир сокращения разрыва между стратами вполне оправдан, поскольку слишком большой разрыв непременно приводит к перекосу в базовых правовых и гражданских принципах, фактически свидетельствует о незащищенности беднейших.

Гражданское равенство как равенство перед законом и равенство возможностей (в получении образования, в карьере, в политической конкуренции) хоть и не достижимо в полной мере, но вполне правомерно в качестве базового политико-правового ориентира²⁶. Оно является субкардинальной

²⁵ См.: *Kekes J. The Morality of Pluralism*. P. 122–123.

²⁶ См.: *Ролз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск, 1995; *Куртц П. Новый скептицизм: Исследование и надежное знание*.

ценностью, поскольку представляет собой объективно необходимое условие для соблюдения базовых прав человека как кардинальных ценностей. Действительно, при отсутствии гражданского равенства дискриминированные группы непременно ущемлены в свободе, унижены, отлучены от качественно образования, от профессиональных, карьерных перспектив.

Явный тренд социальной эволюции состоит не в унификации, а в диверсификации, в разделении и появлении новых ценностей. Согласие возникает только относительно ценностей и норм взаимодействия (отказ от злоумышления и насилия, гостеприимство, честность, выполнение обещаний и договоров и т. п.), которые являются не «высшими», а как раз общезначимыми, «минимальными», направленными на защиту интересов и прав участников.

Общезначимость антропростасии и плюрализм «высших ценностей»

Навязывая кому-либо любые «высшие ценности», мы тем самым лишаем людей свободы выбирать себе привлекательные для них самих ценности как высшие, главные в их жизни. Фактически это форма патернализма, которую Берлин вслед за Кантом именуется «самой великой деспотией»²⁷.

Главная же опасность «высших ценностей» состоит в их абсолютизации, когда ради достижения некоего принятого религиозного, социального, политического идеала, утопии, имперского «величия» («Христианский мир», «Всемирный халифат», «Победа коммунизма во всем мире», «Третий рейх» и т. п.) допускаются агрессивные войны и массовое насилие²⁸.

Есть известные претензии на непререкаемую истинность боговдохновенных книг, на открытие абсолютных философских истин, но пока еще никому не удавалось представить такие доказательства относительно «высших ценностей», которые были бы приняты представителями иных мировоззрений²⁹.

С научными истинами в математике и естествознании более или менее получается достигать согласия. Иногда удается в истории, психологии и социальных науках. А вот с вопросами «высших ценностей» – никогда³⁰. Судя по всему, с таким положением следует смириться. Нет общих и надежных абстрактных, божественных, тем более научных (теоретических или эмпирических) оснований, чтобы раз и навсегда некие «высшие ценности» были добровольно приняты представителями разных культур, моральных, правовых и политических традиций³¹.

²⁷ Берлин И. Цит. изд. С. 143.

²⁸ Куртц П. Новый скептицизм: Исследование и надежное знание. С. 300–306; Malešević S. The Rise of Organised Brutality. A Historical Sociology of Violence. New York, 2017. P. 51–58.

²⁹ См.: Куртц П. Новый скептицизм: Исследование и надежное знание.

³⁰ Попытки апеллировать к «совести» не выдерживают критики. В действительности совесть – это не более чем способность индивида соотносить собственные поступки с ранее принятыми им моральными нормами, часто неосознанными. Поэтому совесть бывает разная. Для истового джихадиста отрубить голову «поганому неверному» никак его совесть не покоробит, а, наоборот, преисполнит чувством моральной доблести.

³¹ Ср.: «...мне представляется, что веру в возможность найти, хотя бы в принципе, какую-то единую формулу, позволяющую гармонично осуществить все разнообразные цели, можно

Ценности, как и взгляды на мир, укоренены в социальной жизни, политике и культуре обществ и групп, рождаются в новых идеологиях в процессе борьбы за символический статус и признание, служат оправданием институтов и практик, образов жизни, конкурентных стратегий. Без радикального насильственного упрощения и тоталитарного контроля всегда будет иметь место разнообразие институтов и практик, типов обществ, культур, групп. Это означает как раз неизбежность разнообразия мировоззрений, а значит, и плюрализм «высших ценностей».

Иными словами, люди всегда будут верить в разное, поклоняться разному, соотносить свое поведение с разным и стремиться к разному. При некотором размышлении это свойство человечества предстает не как недостаток, а, напротив, как смысловое богатство с безграничным потенциалом развития. Почему же тогда принцип защиты человека следует считать общезначимым? Как смириться с этим «монизмом» при признании «ценного плюрализма»?

Никакого противоречия тут нет. Именно для того чтобы сообщества и индивиды не мешали друг другу осуществлять свои частные интересы и принимаемые «высшие ценности», всем нам необходимо мирно сосуществовать, общаться, взаимовыгодно взаимодействовать, решать неизбежные конфликты путем переговоров. В этом и состоит оправданность распространения, пропаганды гуманистических общезначимых ценностей и охватывающего их принципа защиты человека – *антропростасии*.

Список литературы

- Апресян Р. Г. Этика. М.: Кнорус, 2017. 356 с.
- Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. С. 311–504.
- Кант И. К вечному миру // Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. С. 5–56.
- Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. М.: Академический проект, 2005. 504 с.
- Кудрявцев О. Ф. Ренессанский гуманизм и «Утопия». М.: Наука, 1991. 228 с.
- Куртц П. Гуманизм и скептицизм – парадигмы культуры третьего тысячелетия // Возможность невозможного: планетарный гуманизм для России и мира. М.: Российское гуманистическое общество, 2001. С. 33–34.
- Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма / Пер. с англ. И.В. Кувакин. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. 222 с.
- Куртц П. Новый скептицизм: Исследование и надежное знание / Пер. с англ. И.В. Кувакина. М.: Наука, 2005. 360 с.
- Поночевная И. Д. У истоков светского гуманизма // Вестник СПбГУ, 2014. Сер. 6. Вып. 4. С. 109–113.
- Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995. 532 с.

доказательно опровергнуть. Если, как я полагаю, цели наши множественны и не всегда совместимы, возможность конфликта, даже трагедии, никогда нельзя исключить из человеческой жизни – и личной, и социальной» (Берлин И. Цит. изд. С. 66).

Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998. 292 с.

Розов Н.С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Альманах «Время мира». Выпуск 3. Война и геополитика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 75–120.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

Уильямс Б. Мораль: специфический институт // Логос, 2008, № 1 (68). С. 149–173.

Черный Ю.Ю. Современный гуманизм // Философия в XX веке. Сборник обзоров в двух частях. Ч. 2. М., 2003. URL: <http://humanizm.ru/humanizmsovr> (дата просмотра: 22.07.2018).

Dictionary of Sociology (4 ed.) Oxford: Oxford University Press. 2015. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018).

Galston W.A. Liberal Pluralism: The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice. New York: Cambridge University Press, 2002. 137 pp.

Kekes J. The Morality of Pluralism. Princeton: Princeton University Press, 1993. 239 pp.

Kutschera von F. Fondamenti dell'Etica. Milano: Franco Angeli, 1991. 394 pp.

Larmore Ch. The Autonomy of Morality. New York: Cambridge University Press, 2008. 277 pp.

Malešević S. The Rise of Organised Brutality. A Historical Sociology of Violence. New York: Cambridge Univ. Press, 2017. 346 pp.

Oxford Dictionary of Philosophy (3 ed.). Oxford: Oxford University Press. 2016. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018).

Oxford Dictionary Companion to Philosophy (2 ed.). Oxford: Oxford University Press. 2005. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018).

Robinson P.F. Just war in comparative perspective. Ashgate Publishing, Ltd., 2003. 233 p.

Stocker M. Plural and Conflicting Values. Oxford: Oxford University Press, 1989. 360 pp.

World Encyclopedia. Oxford: Oxford University Press. 2014. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата просмотра: 22.07.2018).

Anthroprostasia (Protection of a Human Being) is an Ethical Core of Humanism

Nikolai S. Rozov

Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. 8 Nikolayev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Novosibirsk State University. 2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Novosibirsk State Technical University; 20 Marx ave. Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: nrozov@gmail.com

The concept *anthroprostasia* (protection of a person) is based on the idea of generally significant (universally valid) values as requirements not to violate the objective conditions for the ability of individuals to live a full-fledged life, to follow their interests and values. The concept of a full-fledged life includes health, freedom, dignity, and meaningfulness. Rules based on universally valid values are rigoristic, but not absolute: their violations against some people can be justified if it is necessary to protect the same values for other people. The issue of the admissibility of violence, including war killings, was considered in detail. The principle of protection of a person does not refer to the “higher”, but only to the minimal, primary values relating to the rules and orders of social interaction. The illegality of absolutization and attempts to impose any “higher values”, even such well-meaning ones as “human life”, “universal love”, “universal brotherhood”, etc., is shown.

Keywords: anthroprostatia, human protection, humanism, generally significant values, higher values, life as a value, moral norms, inalienable human rights, freedom, dignity, full-fledged life

References

- Apressyan, R.G. *Etika* [Ethics]. Moscow: Knorus Publ., 2017. 356 pp. (In Russian)
- Berlin, I. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 448 pp.
- Blackburn, S. (ed.) *Oxford Dictionary of Philosophy*, 3rd ed. Oxford Univ. Press. 2016. 540 pp. [http://www.oxfordreference.com, accessed on 22.07.2018].
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language, ed. S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. 1536 pp. (In Russian)
- Chernyi, Yu.Yu. "Sovremenniy gumanizm" [The Modern Humanism], *Filosofiya v XX veke. Sbornik obzorov v dvukh chastyakh. Chast' 2.* [Philosophy in the 20th Century. Vol. 2]. Moscow: INION Publ., 2003 [http://humanizm.ru/humanizmsovr, accessed on 22.07.2018]. (In Russian)
- Galston, W.A. *Liberal Pluralism: The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice*. New York: Cambridge University Press, 2002. 137 pp.
- Honderich, T. (ed.) *Oxford Dictionary Companion to Philosophy*, 2nd ed. Oxford Univ. Press. 2005 [http://www.oxfordreference.com, accessed on 22.07.2018].
- Humphries, Ch., Adlington, F., Lawrence, R. (eds.) *World Encyclopedia*. Oxford: Oxford Univ. Press. 2014. 880 pp. [http://www.oxfordreference.com, accessed on 22.07.2018]
- Kant, I. "K vechnomu miru" [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], in: I. Kant, *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 7. Moscow: CHORO Publ., 1994. P. 5–56.
- Kant, I. "Osnovy metafiziki нравственности" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Izbrannoe* [Selected Works], Vol. 1, ed. by I.S. Kuznetsov. Kaliningrad: Kaliningrad Publ. 1995. pp. 98–179. (In Russian)
- Kekes, J. *The Morality of Pluralism*. Princeton University Press, 1993. 239 pp.
- Kudishina, A.A. *Gumanizm – fenomen sovremennoi kul'tury* [Humanism as a Phenomenon of Modern Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2005. 504 pp. (In Russian)
- Kudryavtsev, O.F. *Renessanskii gumanizm i "Utopiya"* [Renaissance Humanism and "Utopia"]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 228 pp. (In Russian)
- Kurtz, P. "Gumanizm i skeptitsizm – paradigmy kul'tury tret'ego tysyacheletiya" [Humanism and skepticism: The New Paradigm], *Vozmozhnost' nevozmozhnogo: planetarnyi gumanizm dlya Rossii i mira* [Possibility of Impossible. Planetary Humanism for Russia and the world]. Moscow: Rossiiskoe gumanisticheskoe obshchestvo Publ., 2001. P. 33–34. (In Russian)
- Kurtz, P. *Novyi skeptitsizm: Issledovanie i nadezhnoe znanie* [The New Skepticism. Research and Reliable Knowledge], trans. by I.V. Kuvakin. Moscow: Nauka Publ., 2005. 360 pp. (In Russian)
- Kurtz, P. *Zapretnyi plod. Etika gumanizma* [Forbidden Fruit: The Ethics of Humanism], trans. by I.V. Kuvakin. Moscow: Rossiiskoe gumanisticheskoe obshchestvo Publ., 2002. 222 pp. (In Russian)
- Kutschera, von F. *Fondamenti dell'Etica*. Milano, 1991. 394 pp.
- Larmore, Ch. *The Autonomy of Morality*. New York: Cambridge University Press, 2008. 277 pp.
- Malešević S. *The Rise of Organised Brutality. A Historical Sociology of Violence*. Cambridge Univ. Press, 2017. 346 pp.
- Ponochevnaya, I.D. "U istokov svetskogo gumanizma" [The Sources of Secular Humanism], *Vestnik of St. Petersburg Univ.*, 2014, Vol. 6, No. 4, pp. 109–113. (In Russian)
- Robinson, P.F. *Just war in comparative perspective*. Ashgate Publishing, Ltd., 2003. 233 pp.
- Rowls, J. *Teoria spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1995. 532 pp. (In Russian)
- Rozov, N.S. "Voyna vseгда ryadom: suschnost i proishozhdenie massovogo organizovanogo nasiliya" [War is Always Nearby: The Nature and Origin of the Mass Organized Violence],

Almanac 'Vremya mira'. Issue 3. Voina i geopolitika [War and Geopolitics]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003. P. 75–120.

Rozov, N.S. *Tsenosti v problemnom mire. Filosofskie osnovaniya i sotsial'nye prilozheniya konstruktivnoi aksiologii* [Values in the Problematic World. Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology]. Novosibirsk: Novosibirsk St. Univ. Publ., 1998. 292 pp.

Scott, J. (ed.) *Dictionary of Sociology*, 4th ed. Oxford Univ. Press. 2015. 832 pp. [<http://www.oxfordreference.com>, accessed on 22.07.2018].

Soloviev, V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow: Institut russkoy civilizatsii, Algoritm Publ., 2012. 656 pp.

Stocker, M. *Plural and Conflicting Values*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 360 pp.

Williams, B. "Moral': specificheskii institut" [Morality, the Peculiar Institution], *Logos*, 2008, No. 1 (68), pp. 149–173.